

УДК 82.0

НОВОЗАВЕТНЫЙ МОТИВ «ЦАРСТВА РАЗДЕЛЕННОГО» В ТРАГЕДИИ А.С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»

© 2016 г.

В.С. Листов

Новый институт культурологии, Москва

vslistov@mail.ru

Поступила в редакцию 17.10.2015

Выявлены существенные сходства положений и жизненных путей основных антагонистов пушкинской трагедии – Бориса Годунова и Григория Отрепьева. На основе этих сходств, по мнению автора статьи, можно обсуждать в пьесе не замеченный ранее мотив судьбы «Царства разделенного», вошедший во все три синоптических Евангелия. Черты, восходящие к этому мотиву Нового Завета, прослеживаются в размышлениях Пушкина об отечественной истории: от опричнины через Смутное время и пугачевщину – к польскому восстанию 1830–1831 гг. Рассматриваемый мотив позволяет Пушкину обозначить моральные критерии в оценке исторических событий. Обнаружены некоторые глубинные связи пушкинского произведения с размышлениями Карамзина о русской истории, показано, каким именно образом Карамзин ориентировал Пушкина на внимательное прочтение библейских книг.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Н.М. Карамзин, Евангелие, притча о «Царстве разделенном», Григорий Отрепьев, Иван Грозный, опричнина, «Смутное время», восстание под руководством Е.И. Пугачева, польское восстание 1830–1831 гг.

Едва ли не всякое содержательное исследование трагедии «Борис Годунов» [1, т. 7. с. 1–98] приводит к страницам многотомной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Бесчисленное множество раз филологи и историки, театроведы и педагоги, многие другие специалисты прослеживали прямые связи между «Комедией о настоящей беде Московскому государству» и «Смутным временем» рубежа XVI–XVII вв. по версии Карамзина. Рамки предлагаемой работы не позволяют дать сколь-нибудь развёрнутый обзор литературы на эту тему. Достаточно будет сослаться на выпущенное 20 лет назад издание «Бориса Годунова», подготовленное Пушкинским Домом. Составители и комментаторы не просто ссылаются на труд историографа, но дают в приложении тексты четырёх глав из X и XI томов карамзинского сочинения [2, с. 369–455].

Вместе с тем, в докладе на Болдинских чтениях 2014 года нам уже пришлось заметить, что влияние Карамзина не исчерпывалось только лишь опорой драматурга на текст знаменитого многотомника. Речь шла, в частности, о переосмыслении и о переработке образа царя Бориса по прямому совету старого историографа. Карамзин ориентировал михайловского невольника на внимательное прочтение библейских книг [3].

Пушкин читал Священную историю, конечно, не только по подсказке Карамзина. Но для нас важно будет обращение к Ветхому и Новому Заветам именно в связи с «Борисом Годуно-

вым» и размышлениями поэта о временах Смуты. Во всяком случае, несомненно, что именно из Священной Истории, из отечественных летописей и из «Истории...» Карамзина Пушкин выводит свою периодизацию событий прошлого – по царям, по правлениям монархов. Тут не просто и не только признак дворянской историографии, но традиция, уходящая в глубь тысячелетий, к временам Саула и Давида. Движение истории как перемена царствований находит своё отражение в варианте заглавия трагедии, относящемся к июлю 1825 года: «*О царе Борисе и Гришке Отрепьеве*» [1, т. 13, с. 188]. Собственно, уже в этот момент, за несколько месяцев до завершения пьесы, выявлено основное противопоставление героев – Борис Годунов и Григорий Отрепьев. И весь ход событий мог бы рассматриваться как смена, как падение и возвышение персон, занимающих престол.

На первый взгляд дело обстоит просто. Царствует законный, избранный Собором монарх – Борис. Несмотря на тайное преступление, совершенное на пути к власти, он легитимный владыка. Даже его противник, воевода Пушкин, вынужден в диалоге с Басмановым признать эту легитимность: «Ты присягал наследнику престола // Законному...» [1, т. 7, с. 92].

Если бы в сознании драматурга вся трагическая коллизия выглядела как праведная война Московского царства против адских козней Самозванца, устроенных западными державами, то трагедия «Борис Годунов» свелась бы к мо-

ралите, к школьной сказочке о борьбе добродетели с пороком. Вся история, развёрнутая на сцене, от первого до последнего действия противится такой трактовке хотя бы потому, что главные антагонисты – Борис и Григорий – во многих подробностях выглядят едва ли не близнецами.

Годунов ещё не появился на сцене и не скоро появится. Но в беседе двух царедворцев, Шуйского и Воротынского, в первой картине «Кремлёвские палаты» выясняются основные черты характера героя – притворство, лицемерие, ношение масок. На протяжении десятилетия (при немощном царе Федоре Иоанновиче) Борис фактически является *первым* лицом государства, но привычно притворяется *вторым*.

Присвоив себе царское достоинство, Борис, по Пушкину, не становится настоящим помазанником Божиим. Свои дни он проводит в интригах, в чтении и выслушивании доносов, в угрозах придворным и стравливании их между собой. Так, в сцене «Царские палаты» Годунов по обыкновению обманывает Шуйского. Князь Василий с ужасом соображает, будто царь знает не только о грозной вести из Кракова, но и о том, как именно ее обсуждали вчера Шуйский и Пушкин. Последующая реплика Шуйского в сторону – «Он ничего не знал» – есть свидетельство не только исходной лжи царя, но и последующего облегчения для князя Василия: вчерашняя опасная беседа с Пушкиным останется безнаказанной.

Итог своему царствованию Борис подводит в заключительном монологе, обращенном к Феодору, и в реплике, предшествующей пострижению: «Ударил час, в монахи царь идет...» [1, т. 7, с. 91].

Образ Григория написан как роль во многом родственная роли Бориса. Инок – беглый монах – слуга польского вельможи – мнимый Рюрикович – полководец, оставленный автором в шаге от монаршего престола; тут только формальные признаки биографии, умопомрачительной карьеры. По существу, мы наблюдаем в развитии его характера те же самые черты, коими наделен и Годунов. В самом деле, версия Воротынского состоит в том, что Борис «державными заботами наскучил» [1, т. 7, с. 6] и хочет переменить свою участь, затвориться в обители, стать монахом. Пусть наивный вельможа ошибается, но ведь именно этот образ Борис в тот момент успешно выдает за истинный. И ему верят. Григорий, монашествуя, тоже «наскучил» свою жизнь и остро, уже вправду, хочет ее переменить. Когда в последние минуты жизненного пути Борис перед пострижением говорит о себе *в монахи царь идет*, то здесь предел его земных устремлений. Когда москвичи в по-

следнем акте драмы присягают расстриге, то тут тоже, пусть промежуточный, но финал личной и державной трагедии, мнимая счастливая развязка драмы беглого инока.

Таким образом, сценическая «настоящая беда Московскому государству» строится не только как противостояние двух главных героев, но и как зеркальное отражение одного в другом. Годунов, оказывается, идёт из правителей в монахи, а Отрепьев из монахов – в правители, в цари. Детали этого противохода существенны и разнообразны, но не меняют основного смысла драмы. Мы помним, что расстрига умрёт без покаяния (см. сон Григория в келье); мы можем основательно предполагать, что общее для православных приятие «ангельского образа» в конце земного пути не спасёт душу Годунова. Борис и Григорий оказываются слепленными, что называется, из одного теста.

Роднит их и то, что нарисованы они не одной только чёрной краской. Например, Борис в голодный год открывает для народа государевы житницы; Григорий, воюя с Москвой, печалится о соотечественниках, зовёт щадить русскую кровь. Однако ни того, ни другого такие деяния не ставят на тесный путь спасения.

Всё это ведёт Пушкина к новому для него ощущению: *в Смуте, в русском бунте, нет правых. Винаваты все. Грех братоубийства настигает обе стороны противостояния.*

С этой точки зрения в основе фабулы трагедии «Борис Годунов» лежит симметричное построение. Особенность этого построения состоит не столько в разнице характеров и жизненных путей антагонистов, сколько в проявлении того, что у Пушкина называется «мнением народным». Оно-то и порождает «смуту». Народ, заблуждаясь, может видеть Божью правду в том или ином политическом стане. По существу же, выбора нет. Выбирать приходится между «татаринном, зятем Малюты, палачом в душе» (Годунов) и вором, самозванцем, расстригой, еретиком (Отрепьев). Напомним попутно: самозванство в Древней Руси почиталось тяжким двойным грехом; оно наносило оскорбление и тому святому, которому грешник был посвящен церковью от рождения, и тому, под чьё покровительство он, грешник, самовольно вступал.

Здесь необходимо вернуться к началу наших наблюдений, к совету Карамзина: обращение к страницам Священной истории поможет драматургу нарисовать поэтические образы людей далёкого прошлого; во всяком случае, именно так истолковал Пушкин рекомендацию историкографа.

Будучи в сельце Михайловском на положении поднадзорного, Пушкин под руководством игумена Святогорского монастыря Ионы должен был соблюдать церковные обряды и правила, в круг которых входило и чтение душеспасительных книг. Думается, однако, поэт читал и перечитывал страницы Нового Завета по собственной духовной потребности, а не только по наставлению надзирающей стороны. Это подтверждается многочисленными ссылками на Евангелие в произведениях 1824–1826 годов.

Можно с полной уверенностью полагать, что притча Христа о «Царстве разделенном» была не просто известна Пушкину, но послужила одной из отправных точек для его размышлений о русской смуте XVI–XVII вв. Эта притча в близких по содержанию вариантах входит в состав всех трёх синоптических Евангелий (Матф., 12, 22–29; Марк., 3, 22–26; Лук., 11, 14–20). Иносказание Христа объясняет некоторые глубинные основы Благовествования, неожиданные соотношения в противостояниях добра и зла. Поучение, полагаем, выходит далеко за пределы обозначенной отповеди Спасителя фарисеям; для нас важно будет, главным образом, то обстоятельство, что идея губительного разделения изложена в нем на примере (или, лучше сказать, на материале) гражданской истории, истории царства.

Вот свидетельство евангелиста.

«Тогда привели к Нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал и говорить и видеть.

И удивился весь народ ...

Фарисеи же, услышавши сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского.

Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит.

И если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его?

И если Я *силою* веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют?..

Если Я духом Божиим изгоняю бесов, то конечно достигло до вас Царство Божие (Матф., 12, 22–28).

Притча имеет прямое отношение и к общему смыслу, и к художественному наполнению пушкинской трагедии. Мы видели, что под пером поэта возник некий русский исторический космос, в котором *отчётливо различимо противостояние двух равно неправедных сторон* – Годунова и Отрепьева. Борьба между ними и есть то «Смутное время», в котором сатана сатану изгоняет. Пушкин это понимает и как историк, и как художник.

Отсюда и возникают сложное ощущение царства, которое «не устоит», и понятие о другом «царстве», Царстве Божьем, путь к которому лежит через страдание и покаяние.

Нам уже приходилось замечать, что, например, реплика резонёра, юродивого Николки, обращенная к Борису «*зарезал ты маленького царевича*», имеет двойной смысл [4, с. 215]. Если маленький царевич действительно зарезан, то кем же, как не самозванцем, может быть тот вор, что носит его, Дмитрия, имя? Тем самым в сознании автора и героя возникает Новозаветный образ удвоенного сатаны, сатаны разделенного и терзающего избранный народ.

Можно было бы подробно остановиться на том, как этот образ складывался. Тогда пришлось бы обратиться к страницам Ветхого Завета, проследить, как единое царство Давида и его преемника Соломона после них разделилось надвое, как возникли ослабленные, клонящиеся к закату Израиль и Иудея. И как отсюда, по свидетельству библейского пророка Осии, началось падение могучей некогда державы. Но это всё останется за пределами предлагаемой работы – тем более что по мотивам Книги Осии Пушкин написал стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят», которому посвящено отдельное исследование [5, с. 196–200].

Глубокие следы обращения Пушкина к обличениям пророка Осии и к новозаветной притче о Царстве разделённом обнаруживаются в сценах трагедии. Мы исходим не только из очевидного и бесспорного факта: Пушкин знал и широко использовал образы и сюжеты библейских книг. У него была возможность осмыслить трагические страницы отечественной истории XVI–XVII столетий в известном ему контексте указанных боговдохновенных источников. Достаточно будет вернуться к IX тому «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и некоторым другим текстам.

Знаменитая переписка Ивана Грозного с Курбским была Пушкину известна: в его личной библиотеке находим эту переписку [6, с. 138]. Но важное для нашей темы послание царя к беглецу-князю помещено раньше, у Карамзина. Следовательно, приводимый далее пассаж знаком автору «Бориса Годунова»: «Горе тому, кем владеет жена; горе царству, коим владеют многие! Кесарь Август повелевал вселенной, ибо не делился ни с кем властью; Византия пала, когда цари начали слушаться епархов, синклитов и попов» [7, с. 690]. Аргумент против разделения властного начала царь, несомненно, находит в евангельском поучении.

Парадокс, однако, состоял в том, что той же евангельской притчей успешно пользовались и

противники Грозного. Несколькими страницами дальше эпистолярной выходки самодержца Карамзин приводит запись переговоров царя Ивана с кандидатом в митрополиты, игуменом Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря Филиппом Колычевым. Переговоры эти начались в Москве в 1566 году, когда тёмные, гибельные для страны последствия опричнины достаточно выявились. Напомним: царство своё Иван разделил тогда на две неравные части. В одной из них, называемой «земщиной», с трудом удерживалось традиционное вотчинное наследственное владение; в другой – «опричнине» – собственность давалась только на условии службы царю и государству. То был далёкий прообраз дворянской империи Петровской эпохи. Филипп нехотя соглашался стать во главе церкви, но выставил своё условие. Реплику пастыря, обращенную к царю, Карамзин приводит в таком виде: «Повинуюсь твоей воле, но умири совесть мою: да не будет опричнины! Да будет только единая Россия! Ибо всякое разделенное царство, по глаголу Всевышнего, запустеет. Не могу благословить тебя искренно, видя скорбь отечества...» [7, с. 696].

Дальнейшие судьбы Филиппа, опричнины и самого Ивана Грозного не наша тема. Уже через два десятилетия все эти персоны и обстоятельства уйдут в прошлое, покинут историческую сцену. Но Пушкин, обращаясь к причинам Смуты, отчётливо видит прямую связь бедствий начала следующего века с кошмарами предшествующих времён, с правлением Ивана IV. Евангельская притча о Царстве разделенном равно выступает Божественным иносказанием, объясняющим многое и в мировой истории, и в истории Отечества. Во всяком случае, этот евангельский мотив удерживал владык от эгоистических крайностей в удельный период, в десятилетия борьбы за власть в XV веке, в долгом и противоречивом становлении и укреплении дворянской империи – вплоть до пушкинского времени.

Предлагая художественную версию противостояния Годунова и Отрепьева как двух ипостасей *сатаны разделившегося*, Пушкин, безусловно, понимает универсальный характер всего построения; оно не замыкается в полузабытых преданиях древности, не исчезает «в дыму столетий». Признаки такого истолкования и понимания хода исторических событий находим в основных, главных сочинениях Пушкина: в «Евгении Онегине» и «Капитанской дочке».

Своего путешествующего героя, Онегина, автор ведёт не столько по географической карте, сколько по основным приметам истории Отечества: от варяжских начал в Великом Нов-

городе и до Крыма, покоренного сравнительно недавно. Центр национального единства – Москва; центр Москвы – Кремль; центр Кремля – соборы, колокольня Ивана Великого:

Он видит башню Годунова,
Дворцы и площади Кремля –
И храм, где царская семья
Почила близ мощей святого [1, т. 6, с. 478].

Обращение к Годунову и Смутному времени здесь не кажется случайным. Упомянутый «храм, где царская семья / Почила...» – Архангельский собор в Кремле, который отмечает собой историческое пограничье эпох: в нём похоронены последние правившие Рюриковичи и первые правившие Романовы. Как бы стоя рядом с Онегиным на кремлёвской площади, Пушкин на мгновение переносит читателя на двести лет назад, к временам, когда впервые «русский бунт» достиг такой бешеной силы, вверг соотечественников в большую братоубийственную войну. Эту кровавую линию Пушкин уверенно намечает; во всяком случае, твёрдо прослеживает – от Смутного времени через «нестроения» последующих лет к екатерининской эпохе. Видоизменяясь, пополняясь всё новыми конкретными смыслами, притча о Царстве разделенном сохраняет свою актуальность даже и в предпушкинские времена. Ничто не мешает автору «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке» акцентировать мотив угрозы падения державы, единство которой пошатнулось. При всей разности действующих лиц и обстоятельств Пушкин выявляет глубокое сходство основных исторических мотивов.

Так, две пары соперничающих соискателей царского престола – Годунов и Отрепьев, Екатерина II и Пугачев – в пушкинском мире сходятся, как минимум, в том, что никто из названной четвёрки не имеет ни моральных, ни законных прав быть монархом; и все они об этом хорошо знают. С этой точки зрения могут быть рассмотрены обращения Пушкина к пугачевской истории. Разумеется, Пушкин как исторический писатель хорошо понимает разницу между Годуновым и Екатериной, с одной стороны, и Отрепьевым и Пугачевым – с другой. Первые легально царствуют от своего собственного имени; вторые выдают себя за других, присваивают себе чужие имена и с ними – династические привилегии. Тем не менее и в трагедии, и в документальной «Истории Пугачева», и в «Капитанской дочке» автор с удивительным постоянством подчёркивает реальное *равноправие* сторон в гражданской смуте.

В <<Набросках предисловия к «Борису Годунову»> [2, с. 480–483] Пушкин намечает развитие сюжетов и характеров трагедии. «Смута», начатая при Годунове, должна продолжаться при Шуйском и Лжедмитрии II, при Марине Мнишек и Заруцком. Для этого периода Пушкин, вослед Карамзину, видит не только династическое противостояние сторон, но даже и *географическое размежевание* воюющих лагерей. Дело доходит до того, что держава опять, как при опричнине, распадается на два обособленных государства; появляется и другая столица: с Москвой начинает соперничать новая Александрова Слобода – подмосковное Тушино. Так или иначе, но перед мысленным взором драматурга вставал призрак древнего «Царства разделенного», близкого к окончательному падению.

Та же самая картина (конечно, с поправкой на время) возникала и при обращении к истории близкой, екатерининской. Книга о пугачевском бунте может рассматриваться с разных точек зрения, но далеко не в последнюю очередь она явилась *предупреждением* державе и правящему сословию: вот что будет с царством, если пренебречь Новым Заветом и допустить разобщение, оно же гибельное игрище адских сил. Множеством источников подтверждается не просто знание, но глубокое понимание Пушкиным «мнения народного» о самозванцах как законных государях, возглавляющих традиционные державы.

Писатель Владимир Даль, знаток быта и нравов уральского казачества, встречался с Пушкиным в 1833 году, когда поэт в Оренбурге и его окрестностях собирал материалы для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». Вспоминая об этом эпизоде своей жизни, Даль не забывает сообщить и о визите В.А. Жуковского на Урал в 1837 году, уже после смерти Пушкина. Воспитатель царских детей, Василий Андреевич сопровождал в поездке в Уральск государя-наследника, будущего императора Александра II. По случаю путешествия вместе с великим князем Александром Николаевичем и Жуковским Даль пишет, что в его памяти осталась «ещё пугачевщина, которую я не успел сообщить Пушкину вовремя.

При проезде государя-наследника – нынешнего царя нашего – из Оренбурга в Уральск я тоже находился в поезде. Мы <...> прискакали в 4 часа пополудни в Мухраковскую станицу <...> Голодный, я бросился в первую избу и просил старуху подать каймачка... «Ну, что, – сказал я, – чай, рады дорогому гостю, государю наследнику?» – «Помилуй, как не рады? – отвечала та, – ведь мы тут – легко ли дело, царского племени не видывали от самого государя Петра Федоровича.

То есть – от Пугачева» [8, т. 2, с. 229].

К тому времени от пугачевского бунта прошло более шести десятилетий, а память о «царезбавителе» всё ещё жила в сознании людей старшего поколения на Урале, в Поволжье, на Дону. Разговоры, подобные тому, который записал Даль, приходилось вести и Пушкину как раз в Бердской слободе, которую он посетил вместе с Далем. Александр Сергеевич обратился к старику:

– А ну-ка дедушка, Расскажи нам, сделай одолжение, про Пугача.

– Для кого Пугач, ваша милость, а для меня царь-батюшка Пётр Фёдорыч [9, с. 203].

Сожаления В.И. Даля о том, что Пушкин не мог слышать мнения старухи из уральской станицы, понятны. Но, кажется, народные суждения о Емельке как подлинном представителе царского племени, как истинном помазаннике Божьем не были редкостью при жизни поэта. Пушкин, несомненно, их слышал. Стойкий мотив «Царства разделённого» находим и в «Капитанской дочке». И не только в диалоге Гринева с Пугачевым, где ложный Петр III открыто сравнивает себя с Лжедмитрием I [1, т. 8, с. 353]. Гораздо важнее заметить, что Пушкин видит в «шайках» Пугачева не одну лишь наивную простонародную пародию на регулярную державу, но и своеобразное государство, по многим признакам сопоставляемое с екатерининской империей. Даже Гринев (Буланин) в своём описании конца русского бунта совершенно отчётливо видит соизмеримость *двух* государств – дворянского и мужицкого: «Мы проходили через селения, разоренные Пугачевым, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что оставлено было им разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правление всюду было прекращено <...>. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым <...> самовластно наказывали виноватых и безвинных» [1, т. 8, с. 383].

Надо ли доказывать, что здесь звучит не столько голос вымышленного героя Гринева (Буланина), сколько голос самого Пушкина? С трагической ситуацией «Царства разделённого» он познакомился ещё десятилетием раньше, сочиняя «Бориса Годунова». Поэтому для него, Пушкина, вряд ли было новостью двойное разорение бедных жителей вооруженными людьми обоих враждующих лагерей. В каком-то смысле автору приходилось признавать не только соизмеримость двух держав (дворянской и крестьянской), но даже и кое-какие проблески правоты восставших против правительства, которое действовало неумело, неловко. В неопубликованных при жизни Пушкина «Заме-

чаниях о бунте» прямо сказано, что «весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи» [1, т. 9, с. 375].

В «Капитанской дочке» оба лагеря сравниваются не только по критериям, которые мы сегодня назвали бы социологическими, но и по критериям моральным. Так, и Пугачев, и Екатерина выступают «героями сердца», нарушающими законы своих государств, чтобы оградить влюблённых от ужасов времени. И это ещё раз, хоть и косвенным образом, доказывает некоторую соизмеримость мужицкого и дворянского государств в повести Пушкина.

Заключая нашу статью, напомним, что печатная пьеса «Борис Годунов» вышла в свет на рубеже 1830–1831 гг. Появление трагедии, таким образом, совпало по времени с одной из кульминаций восстания патриотов в Польше. Напомним также, что важной стороной русской Смуты XVII в. была как раз польская интервенция, и Пушкин не мог не заметить этой очевидной исторической переклички. Но позволим себе предположить, что для Пушкина национальный аспект русско-польского противостояния 1830 г. не был ни главным, ни определяющим. Идеал поэта, как известно, состоял в слиянии славянских ручьёв в едином «русском море» [1, т. 3, с. 269]. Исторически прав был Пушкин или нет – другой вопрос. Но можно не сомневаться: в событиях 1830–1831 годов автор «Бориса Годунова» увидел, а скорее, даже остро почувствовал опасность «Царства разделённого», начало падения империи.

За два года до восстания Николай I был возведен на польский престол, короновался поль-

ской короной. Когда Польша восстала, ее министр финансов Ксаверий Любецкий сказал словцо, обошедшее многие салоны, усадьбы, офицерские собрания: «Николай, король Польский, ведёт войну с Николаем, императором Всероссийским». Тут не просто острое слово. В нем ясно и отчётливо слышен мотив грядущей гибели «Царства разделенного», предугаданный и художественно воплощённый А.С. Пушкиным.

Список литературы

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

2. Пушкин А.С. Борис Годунов. Трагедия / Комментарий Л.М. Лотман и С.А. Фомичева. СПб.: Акад. проект, 1996. 542 с.

3. Листов В.С. К библейским источникам диалога Бориса и Юродивого // Болдинские чтения. Саранск, 2015. С. 208–217.

4. Листов В.С. Мотив самосознания А.С. Пушкина в образе Юродивого Николки из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Пушкин. Москва 1826 г. Альбом по материалам выставки в Гос. музее А.С. Пушкина / Сост. Н.И. Михайлова, Е.А. Пономарёва. М.: Московские учебники и картолитогрфия, 2009. С. 215.

5. Листов В.С. Новое о Пушкине. М.: Стройиздат, 2000. 448 с.

6. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910. 441 с.

7. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2009. 1024 с.

8. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1974. 560 с.

9. Разговоры Пушкина. Собрали С. Гессен и Л. Модзалевский. М.: Федерация, 1929. 318 с.

2. Pushkin A.S. Boris Godunov. Tragediya / Kom-

THE NEW TESTAMENT MOTIF OF «THE DIVIDED KINGDOM» IN A.S. PUSHKIN'S TRAGEDY «BORIS GODUNOV»

V.S. Listov

The work reveals and discusses significant similarities of positions and life paths of the main antagonists of Pushkin's tragedy – Boris Godunov and Grigory Otrepiev. The author argues that on the basis of these similarities one can speak about the motif of the fate of «The Divided Kingdom» which remained unnoticed in the play earlier, but which was included in all the three synoptic Gospels. Some traits that go back to this motif of the New Testament can be traced in Pushkin's thoughts about the country's history: from the Oprichnina through the «Time of Troubles» and Pugachev's rebellion to the Polish uprising of 1830-1831. This motif provides the basis for the moral criteria that Pushkin uses when assessing historical events. We discover some underlying connections of Pushkin's works with the reflections of Karamzin about Russian history. We also show the way Karamzin influenced Pushkin and prompted his close reading of the Bible books.

Keywords: A.S. Pushkin, N.M. Karamzin, Ivan the Terrible, Oprichnina, «Time of Troubles», Catherine II, Pugachev's rebellion, Polish uprising of 1830–1831.

1. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 17 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.

mentarij L.M. Lotman i S.A. Fomicheva. SPb.: Akad. proekt, 1996. 542 s.

3. Listov V.S. K biblejskim istochnikam dialoga

- Borisa i Yurodivogo // Boldinskie chteniya. Saransk. 2000. 448 c.
2015. S. 208–217.
4. Listov V.S. Motiv samosoznaniya A.S. Pushkina v obraze Yurodivogo Nikolki iz tragedii A.S. Pushkina «Boris Godunov» // Pushkin. Moskva 1826 g. Al'bom po materialam vystavki v Gos. muzee A.S. Pushkina / Sost. N.I. Mihajlova, E.A. Ponomaryova. M.: Moskovskie uchebniki i kartolitografiya, 2009. S. 215.
5. Listov V.S. Novoe o Pushkine. M.: Strojizdat, 2000. 448 c.
6. Modzalevskij B.L. Biblioteka A.S. Pushkina (Bibliograficheskoe opisanie). SPb., 1910. 441 s.
7. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. T. 1h. M.: EhKSMO-PRESS, 2009. 1024 s.
8. A.S. Pushkin v vospominaniyah sovremennikov. V 2 t. T. 2. M.: Hudozh. lit., 1974. 560 s.
9. Razgovory Pushkina. Sobrali S. Gessen i L. Modzalevskij. M.: Federaciya, 1929. 318 s.